



Этот разговор с Иосифом Давыдовичем Кобзоном — о благотворительности.

Уже шесть лет он вместе с друзьями поддерживает, в первую очередь материально, два детских дома — в Туле и в Ясной Поляне, Свято-Никольский храм, 26-ю и 42-ю школы для слаборазвитых детей.

Можно, конечно, прошептать: отстегивает теперь на благотворительность круглые суммы, заработанные подпеванием режиму. Оно, конечно, подпеванием. А еще бесконечными гастрольями "по стройкам Сибири и Дальнего Востока". И по воевавшему Афганистану. Впрочем, каждый волен по своему объяснять мотивы благотворительности Кобзона.

Ответьте только на один вопрос: много ли среди тех, кто заработал свои состояния при новом режиме, людей, оплачивающих не конкурсы красоты, небесные "звездные" тузовки, а жизнь хоть одной сироты? А своих сирот Иосиф Давыдович зовет "мои дети".

— Когда я был на гастрольях в Туле, ко мне обратились дети из яснополянского детского дома с просьбой приехать к ним пообщаться. Сначала речь не шла о моем непосредственном участии в социальной жизни детского дома, это было такое, знаете, шефство, общепринятое в нашей стране, порочная система, когда "закрепляли".

Яснополянский детдом был более или менее ухоженный, потому что получил в наследство от строителей 17 га земли, на которой дети работали, сами себя подкармливали, нечто вроде натурального хозяйства. А потом встал вопрос о том, чтобы землю отнять, а дом перенести. Мол, неудобно, иностранцы приезжают, а тут какой-то детский дом прямо напротив усадьбы Льва Николаевича Толстого. По инициативе директора музея-усадьбы Тяпкина и началась тяжба между Минкультом, который ведал музеями-заповедниками, областной властью и детьми несчастными. И я стал бороться за этих детей. К этому времени как раз подоспело мое депутатство, и это дало мне уже какой-то официальный статус. Дом удалось пока отстоять. Но меня больше возмущало даже не противодействие властей, а сопротивление музея-заповедника.

Бельмо, видите ли, у них на глазу дети-сироты.

Потом у меня произошло несчастье, я потерял маму в прошлом году, которую очень любил, и сразу же на второй день после похорон поехал к своим детям в Тулу, в дошкольный детский дом, к малышам, и взял под опеку еще и их. Так что теперь у меня два детских дома.

— А почему вы решили именно детским домам помогать? Логичнее было бы вам, артисту, помогать культуре, музыкантам, скажем...

— Видите ли, мне кажется, тут нужно смотреть на моральную сторону: здоровый человек, артист, у которого нет концертов и который умирает с голоду — ну так найди себе применение в другой профессии. Мне обидно за тебя, что так судьба распорядилась. Но ты хоть еще в состоянии сам себя прокормить, я не вижу необходимости тебе помогать в первую очередь. А дети не могут сейчас выжить без посторонней помощи, так же, как и старики.

— Вы никогда не имели никаких дел с Детским фондом?

— Никогда. И не буду иметь. Я полностью не согласен с его программой действий. Я, кстати, член правления фонда, хотя никогда там не сидел у них на заседаниях, я еще член правления Фонда милосердия и здоровья, Фонда мира, то есть "обчленен-

град не требую. Я свою популярность, извините за нескромность, заработал не на этом. Конечно, я не буду кокетничать и говорить, что мне неприятно, когда в мой адрес добрые слова говорят. Как у Петросяна в программе: "И кошке доброе слово приятно". Но это не самоцель, тут надо не ошибиться. Если человек это делает для тщеславия, если он занимается не благотворительностью, а фанфаронством — это другое. Я таких людей знаю, они у нас на телемарафоне "Солдаты XX века против войны" появлялись и говорили: "Вы знаете, я только сегодня понял, что не могу жить без помощи этим обездоленным. Я из своих сбережений передаю пять тысяч рублей, это все, что у меня было". Проходит неделя, ему звонят и говорят: "Дорогой человек, у нас ведь все запротоколировано, ты на всю страну нашу заявил, что даешь пять тысяч рублей. Где они?" Он начинает изворачиваться как может: "Я подумал и решил, что буду помогать другим людям..." Вот за это надо наказывать. Это просто мародерство. И мы опубликуем списки этих людей, опозорим их так же, как они себя возвеличили.

— Скажите, Иосиф Давыдович, а ваши собственные дети были в детском доме в Ясной Поляне?

— Да, конечно.

— Они никогда не упрекали

вас в том, что вы отдаете другим то, что в принципе могли бы получить они?

— Никогда.

Ну, я же не отдаю последнего, не говорю, что "у тебя двое джинсов, отдай одни в детский дом". Я отдаю то, что

могу отдать.

— В последнее время помощь уменьшилась или увеличилась?

— Увеличилась, конечно, вместе с инфляцией. Если раньше моя ставка за концерт была, скажем, 200 рублей, то теперь мне платят 2000, а последнее время тысяч по 15-20. Соответственно, если раньше я оставлял в детском доме по 10 тысяч, то теперь это 50, 100 тысяч.

Сейчас часто слышишь: "Надоели все эти телемарафоны, сборы средств, спонсорские фонды..." Что значит надоели? Надоели-то ведь сытому! Я недавно был у министра культуры Сидорова, и мы решили провести "круглый стол" с участием крупных предпринимателей с одной стороны и тех театральных, музыкальных коллективов, которые срочно нуждаются в помощи, — с другой. В бедственном положении театр кукол Образцова, театр зверей Натальи Дуровой, музыкальный театр Натальи Сац. Необходимо найти средства, спасти эти уникальные коллективы для наших детей. И я убежден, что средства найдутся, потому что не верю, что таких, как Кобзон, мало. Их много, они просто не знают, куда вложить свои деньги. Таких людей надо искать.

Ольга ВОЛКОВА.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ НАДОЕЛА СЫТОМУ. ПОСЛЕДУЙТЕ ПРИМЕРУ, ГОСПОДА...

ный" со всех сторон человек. Я понимаю, что им нужно прикрыться какими-то фамилиями. Эти фонды ведь были освобождены от налога, дельцы многие проводили свои предпринимательские дела через них. И ту часть, которую должны были отдать государству под налоги, они отдавали детям. И это было вроде как красиво. Они все равно бы отдали, а так, мол, на благотворительность.

Я уже говорил, что свою Государственную премию и премию Ленинского комсомола перевел в Фонд мира. Деньги не бог весть какие: премия Ленинского комсомола — 2000 рублей, но это то же самое примерно, что сейчас 200 тысяч, или 5000 Госпремии — это теперь полмиллиона как минимум. И потом мне жена говорила: "Какой же ты дурак, куда ты деньги перевел? Под престижные поездки, под агитацию и пропаганду, для чиновников?" И я думал: "Господи, действительно, если бы я принес их в любой детский дом или дом престарелых, я бы точно знал, куда эти деньги пойдут."

— Существует мнение, что истинная благотворительность должна быть анонимной.

— Знаете, я раньше запрещал говорить своим детям в Ясной Поляне, что у них есть "добрый дядя", прессе не рассказывал. А потом подумал: а чего я скрываю-то? Никаких ведь на-